

ЗАПИСКИ КУПЧИНСКОГО ГОПНИКА

От
трижды
обладателя
профессиональной
журналистской премии
"Золотое перо"

ГЛЕБ СТАШКОВ

Глеб Сташков

Записки купчинского гопника

«АСТ»

2015

Сташков Г. В.

Записки купчинского гопника / Г. В. Сташков — «АСТ», 2015

Автор этой книги – пожалуй, самый ироничный питерский колумнист, обозреватель журнала «Город 812», дважды обладатель премии «Золотое перо», журналист, «которого редакторы все время просят о чем-то написать». И он пишет – о политике, образовании, спорте, ЖКХ, балете и русском хамстве, которое, по мнению автора, есть национальная гордость наряду с балетом. Издатели этой книги тоже попросили «о чем-то» написать – и получились «Записки купчинского гопника». «Из всех спальных районов Купчино – самый спальный. Из всех многоэтажек наши – самые однотипные. И только средние школы у нас не самые средние, а самые худшие. У нас чаще всего лопаются трубы и трескается асфальт. К нам реже всего приезжает начальство и чаще всего – гастарбайтеры. Нам быстрее доехать до Царскосельского лицея, чем до Эрмитажа. Но мы в лицей не ездим. Равно как и в Эрмитаж. А вообще-то у нас живет математик Перельман. Но его все равно никто никогда не видел».

© Сташков Г. В., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глеб Сташков

Записки купчинского гопника

© Сташков Глеб, текст, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава первая

Дом

Телефон звонил и, вибрируя, сползал к краю журнального столика, пока не рухнул на пол.

Я протянул руку:

– Слушаю.

– Это с канала ДТВ, – раздался женский, а скорее даже девический голос. – Вы помните?

– Я не смотрю телевизор.

В трубке послышалось сопение, за которым чувствовалась напряженная мозговая деятельность. Вскоре стало ясно, что напряженная деятельность не привела к ощутимым результатам:

– Это с канала ДТВ. Вы помните? – повторил девический, определенно девический, голос.

– Я не могу помнить ваш канал, я не смотрю телевизор. И вообще я хочу спать.

– Но мы же договорились встретиться.

– Да? Очень интересно. Это меняет дело. Не то чтобы совсем меняет, но может изменить. Я, знаете ли... Неважно. Тебя как зовут?

– Аня.

– Слушай, Аня, давай встретимся вечером, как все нормальные люди. Я пока не очень в форме, я пока, можно сказать, в штатском.

– Разве мы переходили на *ты*? – А разве нет?

– Нет, – отрезала Аня.

– Так чего ты, то есть вы, от меня хотите?

– Я жду вас. С бригадой.

– С бригадой? – Я слегка смутился. – Если с бригадой, значит, мы, вероятно, уже встречались. И, вероятно, не очень удачно. Какие у вас ко мне претензии?

Аня засмеялась. Даже не засмеялась, а как-то внезапно всхохотнула. Нет, внезапно взоржала, вот как будет правильно.

– Я поняла, вы так шутите. Издеваетесь над молоденькой девочкой-практиканткой.

Вообще-то над молоденькими девочками-практикантками я издеваюсь совершенно не так.

– Короче говоря, – сказала Аня, – через час мы встречаемся на проспекте Славы и вы устраиваете нам обещанную экскурсию. Вспомнили?

Ничего я не вспомнил. Что я могу вспомнить? Помню только, что вчера ко мне пришел Артур. Следовательно, мы пили. Мы всегда, когда встречаемся с Артуром, пьем. Когда-то мы вместе готовились к экзаменам. И не пили. А потом, будто желая наверстать упущенное, стали пить при каждой встрече.

Артура, кстати, зовут Артурик. Он по паспорту Артурик Суренович Меликян. А его родной брат по паспорту Фердинанд. Что должно быть в голове у родителей, чтобы одного сына назвать Артурик, а второго – Фердинанд? Я понимаю, если одного назвать Фердинанд, а второго – Герберт. Или одного – Артурик, а второго – Жоржик. Но Артурик и Фердинанд – это выше моего понимания.

Природа тоже возмутилась, что ее убогих пасынков нарекли таким чудным образом. А природа шутить не любит. Или любит? Любит. Но зло. Природа любит злые шутки. И природа зло пошутила над незадачливыми родителями. Впрочем, расхлебывать пришлось детям. Ни один из братьев решительно не подходил к своему имени. Невысокий, хрупкий и несколько

женоподобный младший брат носил грозное имя Фердинанд, а рядом с ним возвышался 120-килограммовый бородатый Артурик.

Я всегда называл его Артуром. Обращаться к взрослому мужику уменьшительно-ласкательным именем Артурик – это нелепо, смешно и вообще весьма двусмысленно. Если я называл его Артуриком, то окружающие – в свою очередь – называли меня Педиком. А я не люблю, когда меня так называют, тем более что это неправда. И тем более что педиками называли нас обоих. А Артурик еще больше, чем я, не любит, когда его так называют.

Однажды в ночном клубе Fireball, что на Альпийском, он долго бил такого вот называльщика. Очень долго. Пока друг называльщика не подкрался сзади и не разбил об артуриков затылок пивную кружку. К счастью, дело было рядом с туалетом, так что кровь из затылка благополучно вытекла в раковину, после чего мы перевязали голову принесенным из бара полотенцем и уселись пить виски.

Вчера Артур пришел ко мне с литром водки. Он был возбужден. Он выступал по телевидению и дискутировал по поводу ЖКХ. И требовал, чтобы я посмотрел передачу в интернете.

Мы посмотрели. Внешне Артур выглядел неплохо. Внушительно. Солидно. Он был немногословен. Собственно, право говорить Артур предоставил своему оппоненту, который с удовольствием этим правом воспользовался. Его плавно, словно говно по трубам, текущую речь Артур время от времени перебивал короткими репликами двух типов: «И чё?» и «Ну и чё?» Когда Артур, наконец, собрался с мыслями и произнес относительно длинную фразу, а именно: «Я вот чё хотел сказать», – передача закончилась.

Я поздравил Артура с теледебютом, мягко ввернув про первый блин, который не всегда выходит нужной формы.

А потом мы пили.

– Ты знаешь, кто такой Борхес? – спросил Артур после четвертой рюмки.

– Приблизительно, – сказал я.

То есть сначала я совсем ничего не говорил. Сначала я удивлялся. Не сказать, чтобы Артур был ценителем и знатоком литературы. Лет двадцать назад он прочитал Ремарка, решил, что это абсолютная вершина, и прекратил знакомство с литературой, дабы в дальнейшем не испытать разочарования.

А тут вдруг Борхес.

– В новелле «Четыре цикла» Борхес утверждает, что во всей мировой литературе существует только четыре сюжета.

– Выпьем.

Мы выпили.

Я надеялся, что в процессе выпивания рюмки и закусывания малосолевым огурцом по 104 рубля за банку Артур забудет своего дурацкого Борхеса. Он не забыл.

Итак, Борхес уверял, что существуют всего четыре сюжета и четыре героя. Первый сюжет – это обороняющийся город. Троя. Защитники Трои знают, что они обречены. И Ахилл, который штурмует Трою, знает, что он обречен. В общем, все знают, что они обречены, но все равно мучают себя и других.

Второй сюжет – история возвращения. Та же Троя и Одиссей, который возвращается домой, где его, откровенно говоря, не очень-то ждут. В третьем сюжете герой не возвращается, а, наоборот, уходит и чего-то ищет. Как Ясон, который ищет золотое руно. Наконец, четвертый сюжет – самоубийство бога. Тут Артур ничего внятного объяснить не смог, что не мешало ему восхищаться глубиной и оригинальностью Борхеса. Четыре сюжета – и больше ничего. За всю историю человечества – ни сюжетом больше. Артур решил даже написать роман, вернее – четыре романа.

– Не нужно, – говорю, – писать четыре романа. Роман один. И герой один. И каждый божий день в твоей жизни случается роман, который включает все четыре сюжета.

– Не кошунствуй, – сказал Артур.

Я пожал плечами. Слушай, коли не веришь.

– Сначала ты, как Ясон, отправляешься в путь. Тебя манят дальние страны, влекут неведомые земли, и сердце твое замирает в предвкушении подвигов и приключений. Ты ищешь свое Эльдорадо, – я взял сигарету, щелкнул зажигалкой и медленно затянулся. – И Эльдорадо твое – это кабак, в котором сто грамм стоят не дороже восьмидесяти рублей. И можно смело принять на грудь. И повторить, и повторить трижды.

– Трижды – мало.

– Конечно, мало, – сказал я, доливая остатки. – Ты повторил бы и восемь раз, но в кабаке, естественно, нет мест. Потому что в гадюшниках, которые ты посещаешь, никогда нет мест. Ты осаждаешь кабак, прекрасно зная, что в любом случае обречен. Парис уже натянул свой лук, и ты, бесстрашный Ахиллес, обречен ужраться в сракотень, что и делаешь в течение получаса. Потом, как хитроумный Одиссей, ты возвращаешься домой. Поскольку ужрался ты в реальную сракотень, по дороге тебе встречаются и сивиллы, и циклопы, и андромеды, и прочие телемахи.

– Гопники, – сказал Артур. – По дороге мне обычно встречаются гопники.

– Гопники, пожалуй, похуже циклопов. Гопники – это Сцилла и Харибда. Но ты проскальзываешь между Сциллой того, чтобы навалить им, и Харибдой того, чтобы огрести самому. А на утро просыпаешься и понимаешь, что вчера бог конкретно самоубился. А если не самоубился, так его самоубьет твоя Пенелопа.

– Наташка, что ли?

– У тебя есть другая Пенелопа?

Артур задумался. Затянулся красным винстоном и грустно спросил:

– Так просто?

– Все в жизни просто, если не читать Борхеса.

Сами понимаете, мы были бы распоследними пижонами, если бы после этого не сгоняли за вторым литром.

И теперь я перед вами. Ничего не помню, ничего не знаю, а мне звонит какая-то Аня. С бригадой.

Захожу на кухню. На столе записка. «С собакой погулял. Похмелиться оставил. Тебя с утра ждут телевизионщики. Расскажи им про Купчино. Артур».

Так вот оно в чем дело. Рассказать про Купчино. Расскажем, не вопрос. Когда написана эта записка? Ближе к вечеру или ближе к утру? Будем считать, что ближе к утру. Значит, с собакой можно не гулять. Можно сразу идти к телевизионщикам, благо спал я, не раздеваясь.

Выхожу из квартиры и натыкаюсь на соседку.

– Когда ты помоешь пол? – спрашивает соседка.

Это она лестничную клетку имеет в виду.

– Никогда.

Это я тоже лестничную клетку имею в виду.

У меня плохая соседка. Она громко ругается по ночам и, говорят, колдует. Насчет колдовства точно не скажу, а ругается громко. С дочкой.

У дочки жизнь не сложилась. Как говорили очеркисты былых времен, дочка – человек сложной судьбы. Потому что она дура.

Рассказ про ружье на стене, которое то не стреляет, то стреляет, да не туда

Много лет назад дочка завела себе травматический пистолет. Зачем – ума не приложу. Уверяла, что боится изнасилования. Никто ей не верил. Она и так давала всем, кто хотел. И всем, кто не очень хотел, тоже давала. Иногда умудрялась дать и тем, кто совсем не хотел.

Пистолет она обожала. Ловко выхватывала из сумочки двумя руками, чуть приседала и, вытянув руки, кричала: «Пиф-паф». Когда они приседала, мини-юбка задиралась выше поло-

женного, поэтому мы каждый день знали, какого цвета у нее сегодня нижнее белье. Иногда нижнего белья вовсе не оказывалось.

Однажды на улице ее обступили какие-то гопники. Они, наверное, ничего плохого в виду не имели. А может, имели, кто их разберет.

– Ты чего? – спросили гопники.

– Ничего, – ответила соседкина дочка. – А вы чего?

– Мы ничего, – ответили гопники. – А ты чего?

– А я ничего, – ответила соседкина дочка. – Я в магазин иду.

– А зачем? – спросили гопники.

– А ни зачем, – ответила соседкина дочка.

Такой разговор может продолжаться часами. Он и сутками может продолжаться. И, как правило, не ведет ни к каким последствиям. Однако на этот раз соседкина дочка решила выпендриться. Она напряглась, робко достала пистолет и начала целиться то в одного, то в другого гопника. Кто-то говорил ей, что травматическим пистолетом можно убить. Убить она не хотела. И покалечить не хотела. Она сама не знала, чего хотела. Стояла и трусила.

А гопники тоже стояли и трусили. Потом им надоело ждать, а тем более трусить. Они отняли у нее пистолет, а заодно сломали нос и слегка порвали рот. Еще они сломали пару ребер, но этого не видно. А сломанный нос и порванный рот очень даже видно. Все во дворе смеялись и говорили, что рот стал более рабочим.

Я не смеялся. Я думал, что Чехов был неправ. Если на стене висит ружье, оно вовсе не обязательно выстрелит. Не выстрелил же пистолет. Значит, Чехов вывел неправильную мораль. Мораль в том, что если уж ты повесил на стене ружья, то стреляй. А если не можешь выстрелить, так нечего и ружья развешивать. Ружье может и вовсе в тебя выстрелить. Запросто. И не надо говорить, что это, мол, только у вас в Купчино ружья по хозяевам стреляют.

По этому поводу могу рассказать историю не про Купчино. Про археологическую экспедицию. Дело было в Туве. Точнее, на границе Тувы и Красноярского края. В селе Верхнеусинском. Огромное село. Наполовину староверческое, наполовину тувинское. Не знаешь, кто хуже – староверы или тувинцы. Говорят, где-то староверы живут чуть ли не нараспашку. И дом от дома у них даже забором не огорожен. Я таких староверов не видел. Я видел, что финны так живут у себя в Финляндии, а староверов таких не видел.

А вот рассказы про кружку – это правда. Сам был свидетелем. Просишь попить – приносят в глиняной кружке, а потом разбивают. Грех пить после табачников-никониан.

А заборы у них есть. Очень, скажу вам, серьезные у них заборы. Сплошные. У нас в деревнях заборы с просветом. Дощечка – просвет – опять дощечка – опять просвет. А у них сплошные – доска к доске. И высоченные. И окна на улицу не выходят. Идешь по улице: с одной стороны глухая стена, и с другой – глухая. Жутковато.

А тувинцы были добродушными и почти милыми. Через пару лет они в Туве начнут убивать русских. У нас про это ничего не говорили. Потому что Тува далеко от Европы. И потому что у нас тогда своих забот хватало. Но, когда я посетил Верхнеусинское, на дворе стоял всего лишь 88-й год, и тувинцы русских не убивали. Иногда русские убивали русских. За неделю до нашего приезда кто-то кого-то замочил. Шло разбирательство, впрочем, без большой надежды на успех.

Но тувинцы и староверы жили в селе, а мы жили на природе. Горная речка. Берега, поросшие лесом. А дальше – степь. И со всех сторон – горы. Это называлось Усинская котловина. В степи жили суслики. На них охотились орлы. А может, не орлы, а какие-то другие хищные птицы, точно не помню. Помню, что птицы парили, зависали в воздухе, а потом камнем падали вниз, хватали суслика и снова взмывали под облака. Красотища.

Всем хорошо, смущало только наличие села Верхнеусинское в пяти километрах от нашей стоянки.

Мы решили подготовиться к встрече с местными. Настрогали кольев. Один наш товарищ, выдававший себя за каратиста, обучал нас обращению с кольями по системе Шаолинь, которую он изучил, смотря по виду фильма с Брюсом Ли.

Не скажу, что я был трусом. Я, скорее, был осторожен и благоразумен. Хотя мне еще четырнадцать лет не исполнилось. У меня все не как у людей. Осторожность и благоразумие во мне с годами не накапливались, а улетучивались. Но тогда я был благоразумным. Я не одобрял затею с кольями.

Во-первых, я не понимал, зачем колья. Мы же готовились дать отпор местным жителям, а не вурдалакам, хотя первые и походили на вторых. Кроме того, я предсказывал, что эти колья в нас и вопьются. Словно вещая Кассандра, я вещал, но меня не слушали.

Наконец, в один прекрасный вечер появились местные. Они были прекрасны. Они приехали на лошадях. Предлагали нам покататься. Одна девочка из нашей экспедиции занималась конным спортом. Она грациозно гарцевала на лошади. А мы в это время разговаривали с аборигенами.

– Я живу в двенадцатиэтажном доме на четвертом этаже, – рассказывал я.

– А где вы скотину держите? – интересовались аборигены.

– Мы не держим скотину. Мы ходим в магазин и покупаем там свинину с говядиной.

Местные смотрели искоса. Они не спорили, не опровергали, но явно не верили. «Ври, ври, все равно тебя не проверить», – думали местные. Их можно понять. В их магазине ассортимент не баловал разнообразием, зато отличался завидным постоянством – хлеб, салат из морской капусты и березовый сок в трехлитровых банках. Изредка завозили слипшиеся конфеты – «подушечки».

Из аборигенов только один и только раз в жизни покидал пределы Усинской котловины. Ему вырезали аппендицит в Минусинске. А Минусинск, скажу я вам, – это дыра почище нашей Луги.

Они не верили, что в магазине можно купить мясо. О колбасе они вообще имели смутное представление. Хотя телевизоры у них в котловине вроде показывали, но, видимо, телекартинку они воспринимали как сказку. И то верно, что телевизор в те годы много врал. Не так, как сейчас, но тоже много. В общем, мы мило пообщались.

На следующий вечер местные снова появились в гости. Они были пьяны и агрессивны. И приехали не на лошадях, а на мотоциклах с коляской. Наверное, в пьяном виде управлять лошадью запрещается.

Вместе с подростками приехали взрослые мужики.

– Отдавайте нам девушку, – заявили аборигены.

– Какую девушку? – спросили мы.

– Ту, которая на лошади каталась.

Начальница нашей экспедиции не могла отдать им девушку. Девушка была несовершеннолетней.

Местные жители переглянулись и стали бить своего товарища. Товарища они называли Хуям. Он был тувинец. Я до сих пор не знаю, что такое Хуям – кличка или тувинское имя.

Избив Хуяма, они запихали его в люльку мотоцикла. Запихали головой вниз и собрались уезжать.

И тут выступила наша начальница, гуманистка хренова.

Вообще-то наша начальница-археологиня была не вполне адекватной. Честно говоря, она была совсем неадекватной, но при этом придерживалась принципов. Она запрещала нам три вещи. Курить, играть в карты и грызть семечки. Можно было придумать более идиотские запреты, но сложно. Никто из нас не курил. Семечек в Сибири нет. В Сибири грызут кедровые орехи. В результате долгих препирательств и схоластических диспутов мы доказали, что

кедровые орехи – это не то же самое, что семечки, и их грызть можно. В карты мы играли в палатках.

Правда, в тот раз нам довелось перекинуться в картишки в поезде. Мы ехали из Ленинграда в Новосибирск. Четверо суток. В плацкартном вагоне. Наша компания занимала плацкартное купе, а рядом – на боковушке – ехала семья молодых бурятов. Муж и жена. Они ехали до Улан-Уде. На боковушке им предстояло провести суток семь или восемь.

Эти счастливицы курили, играли в карты, а также грызли семечки и вареную курицу. Мы тоже питались вареной курицей, а вареными яйцами кидались в проезжающие мимо поезда. Но карт у нас не было. Мы попросили карты у бурятов.

– Вы точно их отдадите? – поинтересовался бурят, который, видимо, всю жизнь страдал от людского коварства и не слишком доверял людям.

– Конечно, отдадим, – сказали мы.

– Обязательно отдайте, – сказал бурят. – Иначе мы тут со скуки сдохнем.

Получив карты, мы уселись играть в «тышу». И так увлеклись, что не заметили, как подкралась неадекватная археологиня. Она мягко и пружинисто, словно дикая кошка, прыгнула и, схватив со стола карты, выкинула их в окно.

– Это не наши карты, – сказал я.

– Это теперь ничьи карты, – мудро заметила археологиня.

Буряты в это время курили в тамбуре.

Мы щадили их чувства. Полдня мы скрывали горестное известие о гибели карт. Хотели даже сообщить о прискорбном событии в письменном виде, послав на боковушку нечто вроде похоронки.

Но в конце дня мой друг Каспар все-таки рассказал о случившемся. И протянул бурятам остатки колоды. Пять или шесть карт. Попробуйте, мол. Может, ими тоже можно во что-нибудь сыграть.

Глаза у бурятов сначала расширились, а потом совсем сузились. Мне показалось, что по щеке буряты скатилась скупая мужская слеза. А по щеке бурятки – скупая женская.

– Я так и знал, – сказал бурят. Меня восхитили его мужество и фатализм.

Вот такая была наша археологиня. Бурятов она не пожалела, а Хуяма пожалела.

– Что вы делаете? – закричала начальница, глядя, как Хуяма запихнули головой в люльку. – Он же погибнет.

Какое, спрашивается, ей было дело до того, погибнет Хуям или не погибнет. Ну погибнет Хуям – и хуям с ним. Что за интеллигентская привычка всюду совать свой нос!

Местные жители снова переглянулись и почесали репы.

– Действительно, что мы делаем? Что-то не то мы делаем. Мы должны бить вас, а не Хуяма.

С этими словами абориген втопил по физиономии товарищу, который выдавал себя за каратиста. Каратист отлетел к костровищу, улегся там и заснул.

Тогда из палатки вышел начальник экспедиции Алексей Анатольевич К***, которого мы за глаза называли Лешей, а в глаза никак не называли, потому что он ни с кем из нас не общался. Не тратя лишних слов, Леша схватил кол и всадил его в живот одному из аборигенов. Самому здоровому.

Абориген пожал плечами, выхватил у Леши кол и безо всякого Шаолиня начал его херачить. Другие аборигены тоже взялись за колья и присоединились к первому.

– Что вы делаете? – снова закричала археологиня. – Вы же его убьете.

Она кричала громче и слегка жалостливее, чем в случае со злополучным Хуямом.

Вообще-то археологиня Лешу не любила, потому что Лешу любили мы. Он с нами не разговаривал, а мы его любили, а она рта не закрывала, но ее не любили. Эта несправедливость мучила ее большую душу, но возвращаться в Ленинград одной, без Леши, ей не хотелось. Вроде

как летчик пошел на таран, а штурман прыгнул с парашютом. Звезды Героя за такие подвиги не дают. Не ровен час, под трибунал попадешь.

Время от времени аборигены принимались херачить друг друга, поэтому Леше удалось уползти в женскую палатку и спрятаться там под грудой спальников, трусиков и лифчиков.

Археологиня поняла свою ошибку. Раскаялась в гуманизме. И нашла одного товарища, который занимался легкой атлетикой. Она велела ему бежать в село Верхнеусинское и сообщить ментам о наших, так сказать, неприятностях.

Ментам – это громко сказано. В Верхнеусинском был только один мент.

– Сколько их? – поинтересовался мент у нашего легкоатлета, которого, кстати, звали Шурик.

– Человек восемь.

– Их человек восемь, а я один. Чего же ты от меня хочешь? – сказал мент и улегся спать.

Тем временем аборигены с кольями искали Лешу К***, чтобы окончательно с ним расквитаться. Не найдя Лешу, они попинали ногами каратиста и остановились в нерешительности.

– Может быть, вам пора ехать? – с необычной для себя скромностью спросила археологиня.

– Пора, – согласились аборигены.

Они уселись по мотоциклам, и тут их крепкие сибирские головы посетила идея, сколь безумная, столь и чреватая для нас серьезными проблемами. Они рассудили так: можно проехать на мотоциклах по всем палаткам, тогда Лешу они точно задавят, и он не уйдет от возмездия.

Сказано – сделано.

– Убегайте! Спасайтесь! – закричала археологиня.

В кино человек, подавший такой сигнал, непременно гибнет. В него стреляют из пистолета или обреза. Но в археологиню никто не стрелял. Она просто стояла и орала, пока шум двигателей не заглушил ее истошные вопли.

В ситуациях, пограничных между жизнью и смертью, человек способен творить чудеса. Обнаруживаются у него, знаете ли, скрытые резервы. Здесь я абсолютно согласен с философами-экзистенциалистами, такими как Жан-Поль Сартр и Мартин Хайдеггер, хотя не читал ни того, ни другого.

«Страх – это головокружение свободы», – говорит Кьеркегор. Ну, не знаю, не знаю. Тогда нам было не до экзистенциализма и не до головокружения. Демонстрируя чудеса гибкости и ловкости, мы выскальзывали из палаток, когда колеса мотоцикла уже готовы были переехать нашу плоть и оборвать волшебную невидимую нить, на которой держались наши никчемные жизни. Даже Леша, избитый до полусмерти, каким-то образом выскользнул и уполз в степь.

– Бегите к реке! Плывите на другой берег! – кричала нам археологиня. Она напоминала Анку-пулеметчицу, которая, рискуя собственной жизнью, указывает Чапаю путь к отступлению.

Вообще-то речку невозможно было переплыть. Это же горная речка. Течение жуткое, к тому же посреди реки в тебя со страшной силой бьются камни, которые этим течением несет не пойми куда.

Но опять же – пограничная ситуация. Мы переправились через речку. Не переплыли, а перешли. Юноши несли на плечах девушек, которые – в свою очередь – несли на плечах косметички с кремом для загара и мазью от комаров. Впрочем, одного – самого хилого – юношу по дороге сбilo с ног, и его перенесла на другой берег девушка, которую он взялся тащить, да не сдюжил, хотя у нее даже косметички не было.

Мы сели на другом берегу и пересчитались. Вроде бы все на месте, кроме Лешки К***. Мы решили, что Леша погиб в суматохе. Царствие ему небесное.

Вскоре все стали стучать зубами. Холодно же, хоть и лето. В южной Сибири днем стоит тропическая жара, а ночи холодные. А мы вдобавок промокли, пока через речку переправлялись. А горная речка и в жару прогревалась максимум до шести градусов по Цельсию.

Кто-то предложил разжечь костер.

– Нельзя, – сказал каратист. – Костер выдаст наше местоположение. Мы демаскируемся, и нас опять будут бить.

Каратиста уважали, поэтому спорить не стали. Да и спичек ни у кого не было. Мы жались друг к другу, пытаясь согреться.

Тем временем события в Верхнеусинском разворачивались своим ходом. Покинув него-степриимного мента, наш легкоатлет Шурик шел по улице и думал. Возвращаться к нам ему, разумеется, не хотелось. Но и гулять по улицам Верхнеусинского на ночь глядя как-то не улыбалось.

Неожиданно Шурика остановил окрик.

– Иди-ка сюда, – сказал ему местный житель голосом, не предвещавшим ничего хорошего. Их голоса вообще никогда не предвещали ничего хорошего, но в этот раз как-то особенно ничего.

Легкоатлет Шурик бросился бежать, но страх, видимо, подействовал на него в буквальном кьеркегоровском смысле – голова закружилась, и Шурик, споткнувшись, упал в лужу, в которой днем обычно валялись свиньи. Свиньи там не стойловые, как у нас, а выпасные. Они не стоят в стойле, а бегают по улицам, потому что их держат не на сало, а на мясо. Ладно, черт с ними, со свиньями.

Местный житель подошел к легкоатлету Шурику, взял за шкирятник и поднял. И тут лицо его засияло, а рот расплылся в благодушной улыбке.

Местный житель оказался Вовой, с которым мы познакомились и подружились в автобусе, пока ехали из Минусинска в Верхнеусинское. Тогда Вова взял у нас гитару и всю дорогу пел матерные песни. Археологиня скрипела зубами, но молчала. Мат не входил в святую троицу запрещенных вещей.

Легкоатлет Шурик объяснил аборигену Вове, в чем дело.

– Никто не вправе обижать моих друзей, – сказал Вова.

Вова собрал отряд добровольцев. Тоже человек восемь. Один из них был приятелем Вовы, а остальным просто хотелось подраться. Они расселись по мотоциклам и поехали выручать нас из беды.

Аборигены, предводительствуемые Вовой, – назовем их для простоты добрыми – были трезвы. Или почти трезвы. Злые аборигены – изрядно набухавшиеся. Поэтому добро победило зло, на скорую руку наваляв ему пиздюлей. Мы снова переправились через речку и восторженными криками приветствовали победителей.

Но археологиня, как я уже говорил, была неадекватной. Она, как последний постмодернист, не умела отличать добро от зла. И стала ругаться с добрыми аборигенами, подозревая их в коварстве.

Тут к нашему лагерю подъехал мент. Наверное, ему не спалось. Гипотезу, что его заела совесть, я отбрасываю как бесперспективную.

Мент увидел, как археологиня ругается с добрыми аборигенами, сказал добрым, что они арестованы, и велел следовать за ним. Это был не лучший выход из положения. Добрые аборигены уезжали вместе с ментом, а злые недобитки оставались с нами.

Археологиня скумекала, что опять попала пальцем в небо, и попросила, чтобы злых тоже арестовали. Злые аборигены послали к ебеней матери и археологиню, и мента, сели на мотоциклы и уехали. Добрые тоже уехали. И мент уехал. А из степи приполз израненный Леша.

Так и закончилась эта история. Как и положено, закончилась хэппи-эндом. Хотя, это смотря для кого хэппи-эндом. Леша К*** затеял судебный процесс. И добился того, что злым

аборигенам дали лет по семь. По-моему, за разбойное нападение с использованием технических средств.

Вот вам две истории – короткая и длинная. Про пистолет, который не выстрелил, и про колья, которые сработали, но не туда, куда надо. А вы говорите, чеховское ружье...

Никто никогда не знает, что выстрелит, куда выстрелит и выстрелит ли вообще. Так же как и я не знаю, куда заведет меня мой рассказ.

* * *

После описанных событий Леша К*** стал депутатом. А соседкина дочка – после ее событий – стала злобной. И соседка стала злобной. Я их всегда не любил, а с прошлого лета невзлюбил особо.

Сию я прошлым летом за компьютером и сочиняю текст. И вдруг закончились сигареты. А я не могу сочинять текст без сигарет. Когда в редакциях запретили курить, я отовсюду уволился и стал работать на дому.

Надо, думаю, сходить за сигаретами. Выхожу из квартиры и запираю дверь. С другой стороны двери беснуется моя собака, тогда еще щенок. Собаку зовут Ллойдом, в честь английского премьер-министра Дэвида Ллойда-Джорджа.

Ллойд встал на задние лапы, махнул передней и задвинул защелку, на которую изнутри запиралась железная дверь.

Услышав железный скрежет, я, что называется, остолбенел. Понимаю, что случилось страшное, но признаться себе в этом не хочу. Подергал дверь – не открывается. Пришлось признаться.

А Ллойд по другую сторону двери, по ту сторону, где моя квартира, знай себе, лает, надрыдается.

– Гау! Вау!

Мне кажется, я слышал, как он орет:

– Допрыгался, урод? Надоели мне твои пьянки-гулянки. Вон из дома! И чтоб духу твоего здесь не было!

– Ллойд, открой. Открой, придурок! – кричал я.

Потом, вспомнив заветы профессора Преображенского, попытался взять лаской:

– Открой, – говорю, – Ллойдюшка. Я больше не буду.

А затем снова перехожу на крик:

– Отворяй, собака!

На крик вышла соседка. Не та, у которой дочка, а другая, у которой сыновья. Она, у которой сыновья, хорошая. Как-то раз мне пятьсот рублей одолжила до получки.

– С кем это ты здесь ругаешься? – спрашивает соседка. И смотрит по сторонам. А чего смотреть? И так видно, что никого, кроме меня, на лестничной площадке нет.

– Я, – говорю, – с собакой ругаюсь.

– Через дверь? – спрашивает соседка.

– А как еще прикажешь ругаться, если он изнутри на защелку закрылся?

Соседка смеется. И так, знаете ли, оскорбительно смеется.

– Ты думаешь, он тебе откроет?

Я, признаться, в последние пять минут вообще не думал. И только теперь понимаю, что выгляжу несколько комично. Стою на лестнице и на повышенных тонах веду переговоры с собакой. Да еще через закрытую дверь. Да еще с позиции слабой стороны.

– Сходи в жилконтору, – советует соседка.

Делать нечего, иду в жилконтору. А в жилконторе очень серьезные люди сидят. Гвозди бы делать из этих людей, а не по жилконторам рассаживать. Но железные люди, услышав мой рассказ, тоже начинают смеяться.

– Прекратите, – говорю, – смеяться, дармоеды. Лучше помогите человеку.

Жилконторщицы делают серьезные лица, но через десять секунд опять начинают ржать. Грех, мол, не посмеяться над больным человеком.

– Как, – говорят, – твоего пса зовут? Лойд? А ты, – говорят, – на него заявление в милицию напиши.

И ржут так, что слезы из глаз текут.

– Ты, – говорят, – переночуй на скамеечке, а к утру он, глядишь, остынет, простит.

И снова ржут.

– Я, – говорю, – буду на вас жаловаться в вышестоящую жилконтору.

Говорю – и сам ржу.

– Ладно, – говорят жилконторщицы. – Вот тебе телефон МЧС, и вали отсюда, работать мешаешь.

Хочу позвонить, шарю по карманам – мобильника нет. Мобильник дома остался. Зачем мне мобильник, если я на три минуты за сигаретами вышел. В шортах и домашних тапочках вышел. В карманах только мятая сотка на две пачки винстона.

Звоню соседке, которая добрая. Нет соседки. Свинтила куда-то, пока я по жилконторам ошивался.

Звоню злой соседке, у которой дочка.

– Дай, – говорю, – по телефону позвонить.

– По своему звони, – отвечает соседка.

Объясняю: так, мол, и так, мне в квартиру не попасть.

– Нет у меня телефона, – говорит соседка.

– Как, – говорю, – нет? Что ж ты, без телефона живешь?

– Как хочу, так и живу, – отвечает соседка и захлопывает дверь.

Тут появляется другая соседка, которая добрая.

– Ты, смотрю, до сих пор с собакой переговариваешься?

И смеется. И ребяенок, которого она из садика привела, тоже, гаденыш, ухмыляется. Видно, она ему про мои несчастья уже поведала.

Но в квартиру пустила и даже телефонную трубку дала.

Звоню в МЧС.

В МЧС люди железнее, чем в жилконторе. Барышня на проводе не смеется. Я ей объяснил про дверь и про защелку, а она спрашивает:

– Зачем же вы на улицу без ключей выходите?

Железная, но бестолковая.

– Девушка, – объясняю я. – собака закрылась не на ключ. Собака не может закрыться на ключ. Она еще слишком маленькая.

– Резать будем, – говорит барышня на проводе.

Уверенным голосом говорит, точь-в-точь как в фильме: «Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонита».

Я слегка смутился. Не понимаю, кого резать – меня или собаку? И как это поможет попасть в квартиру? Высказываю барышне свои соображения на этот счет.

– Не тебя, дурень, резать, а дверь, – говорит барышня. – Дверь срежем, а с тебя две тысячи рублей возьмем.

– Не могу, – говорю, – такое ответственное решение с кондачка принять. Я вам перезвоню.

Рассказываю соседке, что к чему. Высказываю ей свои соображения, что жить с вырезанной дверью человеку решительно неудобно.

Она опять смеется:

– Чего, – говорит, – тебе переживать? У тебя вон какой пес умный. Посадишь его у входа, пусть сторожит. И никакая дверь не нужна.

И ребенок тоже смеется.

– Пойду, – говорю, – куплю сигарет. Без сигарет я чего-то совсем ничего не соображаю. Выхожу на улицу. Подходит ко мне знакомый алкоголик Паша.

– Можно, – спрашивает алкоголик Паша, – у тебя пару минут в интернете покопаться?

Я даже спросить забыл, зачем алкоголику Паше интернет понадобился.

– Нет, – говорю, – нельзя.

– Почему?

Объясняю, почему нельзя.

Алкоголик Паша презрительно сплюнул и тоже высказал мне свои соображения:

– Если тебе интернета жалко, мог бы поумнее отмаз придумать. Я думал, ты человек, а ты...

Алкоголик Паша не договорил, кто я, сплюнул и ушел.

Я тоже сплюнул и пошел за сигаретами. Возвращаюсь и вдруг вижу около лифта объявление: «Вскрываем замки, двери».

В любое другое время я бы повеселился на такое объявление. Взглянул бы на него, как говорится, в сатирическом ключе. Совсем, мол, домушники распустились, уже объявления вешают.

А тут я аж подпрыгнул от радости. Врываюсь к соседке. Хватаю телефон. Звоню.

Резать дверь не предлагают. Обещают обделать чисто и аккуратно. Сразу видно, что профессионалы, хотя непонятно, в какой профессии.

Напоследок просят продиктовать мой номер телефона.

– У меня, – говорю, – нет телефона.

– Но вы же откуда-то звоните.

А я, как вы понимаете, на нервах. Поэтому перехожу на крик:

– Вам-то какое дело? Может, я из автомата звоню.

– Звонки из автомата мы не принимаем, – спокойно отвечает девушка и вешает трубку.

Перезваниваю. С трудом втюхиваю соседкин номер. Даже соседку пришлось к телефону позвать, чтобы подтвердила, что я не хулиганю, а действительно попал в беду.

Сказали, что мастер-домушник прибудет через полчаса. Жду. Полчаса. Час. Звоню.

– Мастер стоит в пробке, – говорит девушка. – Я вам перезвоню.

– Куда они тебе перезвонят? – нервничает соседка, которая хоть и добрая, но надоел я ей хуже горькой редьки. К тому же ей в школу нужно, второго ребенка забирать.

Выхожу на улицу. Жду. Вижу, в мой подъезд направляется подозрительный мужик с каким-то агрегатом.

– Вы, – спрашиваю, – случаем не мою квартиру вскрывать идете?

Мужик отшатнулся:

– Лечиться надо.

Или закусывать надо. В общем, посоветовал мне чего-то с собой сделать.

Я сидел на лавочке, на которой обычно сидят местные алкаши, и думал.

Я думал, что при мне нет паспорта. И выгляжу я довольно странно. Человек в ботинках на босую ногу и в рваных джинсах требует вскрыть чью-то квартиру. Ему, видишь ли, позарез туда надо.

Наконец, появился нужный домушник. Милый мужичок на «Москвиче».

Отвожу его к своей квартире и прошу вскрыть дверь.

– Это мы запросто, – говорит мужичок.

Паспорта мужичок не спросил. И никакого другого документа, удостоверяющего личность, не спросил. В принципе, я мог бы привести его к вашей квартире и попросить открыть вашу дверь. Но, видимо, в их работе лишних вопросов не задают.

Хотя один вопрос он все-таки задал. Спросил, можно ли воспользоваться чьей-нибудь розеткой. Добрая соседка ушла в школу. Звонюсь к злой.

– Нет у меня розетки, – говорит злая соседка.

– Не может, – говорю, – не быть розетки.

– Может, – уверяет соседка и грозит вызвать милицию.

– Хорошая у тебя соседка, – говорит мужичок. – Помирать будет, ей никто стакан воды не подаст.

Я точно не подам.

Пока мужик добывал электроэнергию из генератора, я рассказал про собаку. Он не засмеялся. И не удивился.

– Бывает, – сказал он. – Недавно вот так же дверь вскрывал, так ее попугай закрыл. Вырвался из клетки, сел на задвижку и защелкнул.

Я стоял, пораженный многообразием жизни. Моя история как-то сразу поблекла в сравнении с невероятными приключениями попугая.

Мужик тем временем просверлил дырочку, вставил в нее проволоку и отодвинул защелку. Получил положенные полторы тысячи и откланялся.

Не успел я заклеить защелку изолентой, как в дверь позвонили.

Открываю – менты. Капитан и старший лейтенант.

– Чего, – говорю, – надо?

– Нам сообщили, что в вашу квартиру ломались воры.

– А вы не получали сообщения, что в соседней квартире живет идиотка?

– А ты, собственно, кто? – спрашивают менты.

Я показал паспорт.

– А где воры?

– У соседки спросите.

Звонят к соседке. Она смотрит на ментов. Потом на меня.

– Так это ты? – умиляется соседка. – А мне показалось, воры.

– Креститься надо, когда кажется, – довольно банально отреагировал капитан.

– В следующей раз штраф выпишем, – сказал старлей, тоже не отличившись оригинальностью.

А соседку с тех пор я терпеть не могу. И, конечно же, пол на лестничной площадке никогда не помою.

* * *

Тем более сейчас мне не до пола. Мне нужно на встречу с телевизионщиками. Вот и лифт подошел.

В моем подъезде два лифта и оба чуть живые. Один из них всегда не работает, а второй работает, но с трудом. Скрипит, трещит, иногда грохочет. Мне кажется, трос скоро оборвется. Вопрос в том, кто в этот момент будет ехать в лифте. Я бы предпочел, чтобы не я.

Зато у нас в Купчино, если кто не знает, есть поющие лифты. Это наш глава района придумал. Целых три поющих лифта. Нажимаешь на кнопочку – и играет Чайковский. Или Бетховен какой-нибудь.

«Жители теперь будут подниматься в свои квартиры не под монотонное дребезжание тросов, а под звуки классической музыки, – восхищалась наша районная веб-газетенка. – По мнению разработчиков проекта, это еще один кирпичик в фундамент петербургской культуры».

А первый кирпичик – это, видимо, мой лифт. В котором монотонно дребезжащий трос того и гляди оборвется. В моем лифте коли слушать, так только «Реквием».

Вообще-то, говорят, общественность идею поющих лифтов не оценила. Не уважает общественность Чайковского. Если бы Стас Михайлов играл, тогда другое дело.

Лифт доехал до первого этажа и раскрыл двери. Передо мной стояла дама с ребенком.

Дама шарахнулась в сторону и завизжала. Ребенок шарахнулся в другую сторону и тоже завизжал. Они думали, что я с собакой. А если я с собакой, то нужно визжать. Тогда собака залает, и можно поскандальить.

– Намордник нужно надевать, – крикнула дама.

– Кому? Мне?

– Собаке!

Я посмотрел по сторонам:

– Где вы видите собаку?

Дама издала зубовой скрежет.

Я прошел к выходу.

– Вам, молодой человек, намордник иногда тоже не повредит.

Я не стал спорить. В принципе, она права.

Глава вторая

Купчилэнд

Вот я и на улице. Хорошо на улице. Пройдешь влево десять метров – и начинается лужок. Там пасутся собаки с хозяевами.

Вчера на лужке скосили траву, и сегодня упоительно пахнет сеном. У меня дача на платформе «125-й км». Два с половиной часа на электричке. Так от дачи нужно полкилометра идти к реке, чтобы дойти до запаха сена. А здесь – десять метров.

Потому что здесь – Купчино!

Когда-то давно планировалось, что Ленинград будет расти и развиваться на юг. В сторону Пушкина и Павловска. А Купчино превратилось бы в центр города.

Ленинград не стал развиваться на юг. Он стал развиваться на север. А мы до сих пор стараемся доказать, что наше Купчино никакой не центр, а самая настоящая окраина. Надо сказать, нам это удается.

– Ты где живешь? – спрашивает тебя случайный знакомый.

– В Купчино.

– А чего не переедешь? – говорит знакомый и сочувственно покачивает головой.

Несколько лет назад весь город обсуждал газоскреб «Охта-центр».

– Возмутительно, – кричала общественность. – Нельзя уродовать центр города. Если очень надо, небоскреб можно построить в Купчино.

Нас, конечно, никто не спрашивал. Купчино, конечно, не жалко. Потому что Купчино нельзя изуродовать. Потому что из всех спальных районов наш – самый спальный. Из всех многоэтажек наши – самые однотипные. И только средние школы у нас не самые средние, а самые худшие.

Зато у нас много зелени. И под каждым третьим кустом кто-нибудь справляет нужду. Единственный во всей округе общественный туалет давно закрылся за отсутствием посетителей.

Ленинградская интеллигенция, выезжая из коммуналок, мигрировала на север. У них и названия соответствующие – метро «Академическая», метро «Политехническая». А у нас – станция метро «Купчино». Просто «Купчино». И до недавних пор – всего одна.

На закате советской эпохи по всему городу было полно гопников. Но только в Купчино гопник являлся типичным представителем биосферы. Только в Купчино ватник и кирзовые сапоги служили униформой и одновременно пропуском в светское общество.

Купчино – символ городской окраины. У нас чаще всего лопаются трубы и трескается асфальт. К нам реже всего приезжает начальство и чаще всего – гастарбайтеры.

Нам быстрее доехать до Царскосельского лица, чем до Эрмитажа. Но мы в лицах не ездим. Равно как и в Эрмитаж.

Единственный относительно приличный вуз в нашем районе – Гуманитарный университет профсоюзов – наглухо огражден забором и чуть ли не колючей проволокой. Входы и выходы тщательно охраняются. Чтобы – не дай бог – никто из аборигенов не проник в обитель профсоюзно-гуманитарного знания. И чтобы будущие профсоюзные вожаки – чего доброго – не столкнулись с аборигенами.

Недавно известный московский журналист Панюшкин написал книжку. Главный герой должен был олицетворять собой рафинированного дегенерата. Но быть родом из Петербурга. Конечно, журналист Панюшкин поместил его в Купчино. А куда же еще?

А вообще-то у нас живет математик Перельман. Но его все равно никто никогда не видел.

Некоторые безответственные эксперты утверждают, что существуют новое Купчино и старое Купчино. И, дескать, старое Купчино интеллигентнее. Они, правда, не говорят – интеллигентнее. Они выражаются по-другому: старое Купчино – быдлярский район, а новое – совсем быдлярский.

Я живу в новом Купчино. В совсем новом. Три остановки на трамвае – и начинаются земли совхоза «Шушары». Но я ответственно заявляю: новое Купчино гораздо интеллигентнее старого.

Недавно встречался с приятелем у метро «Международная». В старом Купчино. Приятель опаздывает. Стою, читаю «Спорт-Экспресс».

Рядом стоят мальчик с девочкой. Целуются. А потом начинают драться. Он ее по лицу хлопнул, а она ему ногой по яйцам всадила. Немного подрались и снова целуются. А потом опять дерутся. И с упоением, надо сказать, дерутся.

Мне, конечно, интересно. Я «Спорт-Экспресс» в карман засунул и наблюдаю. Они уже майки друг на друге разорвали. А я гадаю, разорвет ли он на ней лифчик.

Подошел юноша, попытался разнять. Мальчик послал его. Громко и матом.

Затем дедушка подключился. Я-то не просто ждал, что мальчик на девочке лифчик порвет, но ждал с надеждой. А дедуля, видимо, узрел потенциальное нарушение общественной нравственности. Ну и огреб дедуля. Пока он на асфальт не свалился и не запросил пощады, они его вместе пинали. Так сказать, временно объединили усилия для борьбы с общим врагом. Вроде как Советы и Штаты против Гитлера.

А потом вышел мент и отвел их в отделение. Мальчик как-то сразу присмирел, а девочка громко мента материла.

А вы говорите, старое Купчино...

Не может старое быть культурнее нового. Потому что новое примыкает, можно сказать, к Царскому Селу и солнцу нашей поэзии, а старое – к Лиговке.

Вы знаете, что такое Лиговка? Там еще при царе находилось Государственное общество призрения. Туда беспризорников доставляли. После революции общество переименовали в Государственное общежитие пролетариата. Сокращенно – ГОП. Отсюда и *гопники*.

Недаром Лиговку с Купчино объединили. Вместе мы составляем Фрунзенский район. У нас даже журнал для детей выходит – «Фруня». Выходит ли на Васильевском острове журнал «Васька»? Издаются ли в Кировском и Курортном районах «Киря» и «Куря»? Где колпинский «Колпак» и московскорайонный «Москаль»? Нету! А у нас есть «Фруня».

Хотя я лично против того, чтобы дети читали. Они глупые и все понимают превратно. Шиворот на выворот они понимают. Наперекосяк.

В первом номере этого «Фруни» у детей спросили, кто такой Петр I. «Это писатель, – ответила одна девочка. – Он написал сказки. Моя любимая сказка „Золотая рыбка“, потому что в ней исполняются желания. Я хочу, чтобы у папы появилась новая большая машина».

Убогое желание. Я в детском саду мечтал о мире во всем мире. Потом я мечтал о футбольном мяче за 35 рублей. А эта шмакодявка мечтает о большой машине. Да еще на Пушкина ссылается, которого она приняла за Петра I.

Сегодня она о машине мечтает, завтра захочет быть столбовой дворянкой, а послезавтра – владычицей морской. И чтобы все чиновники прислуживали бы ей и были у нее на посылках. А в результате – разбитое корыто, следственный изолятор и дело о мошенничестве в особо крупных размерах.

А Пушкин, между прочим, предостерегал от излишних мечтаний. Езди, говорил Пушкин, на том корыте, которое имеешь, а на большее не замахивайся.

Но дети не в силах понять Пушкина. И не надо к ним соваться с этим Пушкиным. А тем более с журналом «Фруня».

Да у нас в Купчино, кроме этой девочки, никто, по-моему, Пушкина и не читает. Ни в новом Купчино, ни в старом. Или надо говорить «ни в новом Купчине, ни в старом»? Вот в чем вопрос, который не дает покоя лучшим умам нашего микрорайона. Надо ли слово *Купчино* склонять.

В этом отношении творятся совершенно чудовищные вещи. Людей, которые склоняют Купчино, обвиняют в безграмотности и невежестве.

– Гы-ы, – смеются над ними. – По Купчину, из Купчина... гы-ы... понаехали всякие, проходу от вас нет.

Те, которые говорят «по Купчино, из Купчино», считают себя интеллигентами и грамотеями.

На самом деле Купчино перестали склонять именно потому, что сюда понаехали. И именно что всякие.

До войны люди говорили «из Автова, из Пулкова». А потом перестали. Я спрашивал у одного профессора с кафедры русского языка, почему перестали.

– В связи со всеобщей расхлябанностью, – сказал профессор.

А еще профессор сказал, что до революции говорили «в Хельсинках». Мне кажется, профессор малость погорячился. Никто до революции «в Хельсинках» не говорил. Потому что до революции Хельсинки называли Гельсингфорсом. Не вызывает у меня доверия этот профессор.

Как известно, главный знаток русского языка – это Дитмар Эльяшевич Розенталь. У Розенталя черным по белому написано, что русские названия на «-ино» нужно склонять.

Это и у Лермонтова так. «Недаром помнит вся Россия про день Бородина». Не про день Бородино, а про день Бородина вся Россия помнит. Если бы Наполеон побывал в наших краях, то и про день Купчина помнили бы.

А один колпинский патриот предлагал свой вариант: «Недаром помнит вся Россия про день Бородина и оборону Колпина». И в подтверждение своей «склонистской» теории приводит строки поэта Межирова:

*Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.*

А зачем она, спрашивается, по своим бьет? По-моему, не очень удачный пример. Какое военно-патриотическое воспитание могут дать эти строки? Наверное, нам лучше не вспоминать лишний раз про эту оборону Колпина. Ограничиться днем Бородина. Там артиллерия по своим, вроде бы, не лупила.

А коли вспомнили про Лермонтова, грех лишний раз не замолвить словечко за Пушкина. Тому, знаете ли, тоже хорошо писалось в Болдине, а не в Болдино.

А нынешние грамотеи говорят, что от «в Купчине» они, видишь ли, дискомфорт испытывают. Понаехало скобарье из деревень и туда же – дискомфорт испытывают. Пушкин с Лермонтовым, значит, не испытывали, а они испытывают.

Когда я работал литредактором в спортивной газете, один хоккейный корреспондент испытывал дискомфорт от названия уфимского клуба «Салават Юлаев». И писал так: СКА играет с «Салаватом Юлаев». Я объяснял, что Салават Юлаев – это не фунт стерлингов. Что салават – это не единица измерения юлаев. Корреспондент спорил. А потом ушел на телеканал «100ТВ», где говорит, что «Зенит» играет с «Крылья Советами».

Наша районная администрация тоже, видимо, дискомфорт испытывала. Собрала каких-то специалистов, которые выяснили, что Купчино не склоняется. Потому как историки выяснили, что слово *Купчино* происходит от финноязычных названий.

Ну, мало ли что историки говорят. Я, знаете ли, тоже историк. Стал выяснять. Оказывается, согласно шведской переписи 1619 года, в деревне Kuptzioua Ву проживали четыре облагаемых налогом хозяина, трое из которых – Иван Кузмин, Прошка Лефонтьев и Симан Абрахамов – были православными. Очень интересная информация. «Четыре облагаемых налогом». То есть проживали и необлагаемые налогом. То есть это еще шведы сюда нелегальных мигрантов запустили.

Но, по правде сказать, нет у меня доверия к этой переписи. Откуда, скажите, в XVII веке мог взяться Симан Абрахамов? Да еще православный. И что это за название – Куптциноуа. Это какое-то индейское название. Выходит, здесь команчи жили. Или могикане какие-нибудь. И Симан Абрахамов – последний из могикан. Не считая Прошки Лефонтьева.

А по версии ученого Мызникова, kypsi на древне-финском означало «заяц». Красивая версия. Получается, Заячий остров – это Купчино. И именно здесь, в Купчино, нам было суждено в Европу прорубить окно. Странное место наши предки для окна выбрали, ничего не скажешь.

Правда, на современном финском заяц будет jēnis. На kypsi не больно-то похоже. Видимо, финские зайцы с древних времен сильно эволюционировали.

Конечно, если Купчино – название иностранное, то базара нет. Не склоняется. Не говорим же мы: в Сан-Марине, из Сан-Марина. Но, как заметил все тот же колпинский патриот, Колпино – это вам не Сан-Марино. А уж Купчино, поверьте, тем более. И не Сан-Марино, и не Рио-де-Жанейро. И сдаётся мне, что слово *Купчино* – отечественного производства.

Но я все равно Купчино не склоняю. Во-первых, я тоже понаехавший. Полтора лет от роду я понаехал сюда с Петроградской стороны. С тех пор я вполне обрусел и окупчинился, но гены, как говорится, не спрячешь. А во-вторых, мне как-то хочется, чтобы Купчино было финским названием. Финскому качеству как-то больше доверяешь.

Ну вот, кое-какие сведения о нашем районе вы получили. Теперь – смело за мной. Не отставайте, иначе в наших новостройках нетрудно заблудиться.

Прямо передо мною детский сад. Там подрастает молодое поколение. Я его наблюдаю, когда гуляю вокруг детсада с собакой. И знаете, оно мне нравится.

Как-то иду, а за решеткой детишки громко, но почему-то медленно говорят скороговорку про греку, который ехал через реку.

Я думал, ее давно забыли. Ничего подобного.

Но скороговорят детишки своеобразно:

Ехал грека через реку, видит грека: в реке рак.

Плюнул грека раку в раку...

Дальше я засмеялся в голос и концовки, к сожалению, не услышал. Но дети меня восхитили.

Я тоже начал сквернословить в детском саду. Но, по словам родителей, вставлял плохие слова безо всякой системы и смысла. Мат я освоил в совершенстве только к третьему классу. А эти уже в детском саду выражаются осмысленно и изящно. Что же из них к третьему классу вырастет? И подумать страшно, и гордость распирает за молодое поколение.

Встречаются среди них и мыслители. Гордые и угрюмые аналитики-одиночки с грустными глазами и плотно сжатой челюстью.

Опять же – гуляю с Ллойдом. За решеткой детского сада стоят трое детишек и смотрят, как Ллойд к ним рвется, натягивает поводок, прыгает.

Двое смеются и радостно кричат:

– Собачка! Собачка!

А третий стоит хмуро и мрачно произносит:

– Накормить бы ее кашками...

Трудно ему будет жить с таким взглядом на мир.

По себе знаю.

Впрочем, детский сад мы проходим мимо. Нам там делать нечего.

Мы идем в магазин «Пятерочка», где продают минералку.

Беру минералку, подхожу к кассе. На кассе, как всегда, скандал. Старуха, при которой девочка лет десяти, скандалит с молодой семьей, состоящей из молодого папы, молодой мамы и совсем маленькой девочки.

– Пошел на хуй! – кричит старуха молодому папе. – На хуй пошел!

– Вы бы хоть ребенка постеснялись! – встревает молодая мама.

И тут 10-летняя девочка звонким голосом и как-то не по-детски веско заявляет:

– Поздно. Я уже всему этому обучилась.

А говорят, у нас с образованием проблемы. Нет никаких проблем. К десяти годам всему, что нужно, дети уже обучены. Им и в школу ходить не нужно. Многие, говорят, и не ходят.

Очередь отсмеялась и притихла. Меня это не устраивает. Мне хочется веселья. Чаше всего с похмелья хочется покоя, но бывает, что веселья. Сегодня как раз такой день. К тому же надо размяться, настроиться на телевизионщиков.

Смотрю, к кассе подходит женщина, у которой в «Пятерочке» свой гешефт – она чинит ширинки на брюках и заправляет картриджи для принтера. Где еще, скажите мне, вы встретите столь разностороннего специалиста? В Сбербанке? В «Компьютерном мире»? Никто вам там ширинку не починит. А женщина в «Пятерочке» починит. Может, она и другие вещи умеет делать, но я к ней только с этими проблемами обращался.

В общем, подходит она к кассе и просит поменять тысячу.

Кассирша меняет. Дает мне сдачу, а следующей женщине говорит:

– Сдачи нет.

Женщина начинает спорить, но как-то неубедительно. Не имеете, мол, права, вы обязаны выдать сдачу с полученных вами пятисот рублей. В общем, квёло.

– Я не обменный пункт, – отрезала кассирша.

Женщина с пятихаткой заморгала глазами, стоит, не знает, что ответить.

Скучно.

– Обратите внимание, – говорю я женщине с пятихаткой, – данная кассирша только что была обменным пунктом. Непонятно кому она тысячу поменяла, а теперь для вас у нее сдачи нет.

Механизм запущен. Реакция не заставила себя долго ждать.

– Действительно, – закричала женщина с пятихаткой. – Спасибо, – говорит, – молодой человек. Иди, – кричит кассирше, – обратно меняй.

– Не задерживайте очередь! – орет кассирша.

– Иди меняй, шалава! – кричит женщина.

Ждать, чем дело кончится, я, конечно, не стал. Мавр сделал свое дело – мавр может уходить. Провокация удалась, а последствия пусть другие расхлебывают.

Без магазинов жизнь была бы намного скучнее. Хотя не всегда люди ведутся на провокации с такой легкостью, как сегодня.

В нашей округе самые невозмутимые люди – в «Максидоме». Готов обосновать нижеследующим примером.

Стою в очереди. Женщина с косой и вантусом крутится, суетится, мечется у прилавков с батарейками «Энерджайзер». Задевает сумкой другую женщину.

– Поосторожней с сумкой, – говорит другая женщина.

А женщина с косой, видать, толком не расслышала и говорит:

– За суку ответишь.

– Чего?

– Ты меня сукой обозвала.

– Граждане, – обиженно восклицает другая женщина, – разве я обзывала ее сукой?

– Нет, – кричат все вокруг. – Никто эту суку сукой не обзывал.

И начинают развивать тему:

– Она, наверное, в самом деле сука, поэтому ей и мерещится.

– Граждане, – обиженно говорит мужчина, стоящий в очереди за женщиной с косой, – хватит уже мою жену сукой обзывать.

– Это ваша жена? – кричат все вокруг. – Тогда другое дело. Что же вы сразу не сказали?

Муж суки пожал плечами и замолчал.

Поразительное спокойствие. Его жену пять минут на все лады склоняют, а он стоит, молчит, шурупы в корзине пересчитывает. Поймают такого мужа фашисты, станут пытаться – он и глазом не моргнет. Тайны не выдаст и Родины не продаст. Шурупы купит, а Родины не продаст.

Итак, вокруг моего дома расположился золотой треугольник – «Максидом», «Пятерочка» и «Дикси». В «Пятерочке» собираются нервные люди, в «Максидоме» – люди без нервов, а в «Дикси» – настоящие профессионалы. Чемпионы по хамству. Мордоплюйская элита. Сливки низшего общества. Дилетантам в «Дикси» не место. Там даже я стараюсь больше помалкивать.

Судите сами. Схлестнулись в «Дикси» две дамочки. Одна – скажу политкорректно – чрезмерно пышная, а другая чрезмерно стройная.

Стройная попросила у пышной скидочную карточку. А пышная отказала. Как у Зощенко. «Я, говорит, ну, ровно слон работаю и на трудовые гроши ежики себе покупаю, и нипочем то есть не разрешу постороннему чужому персоналу этими ежиками воспользоваться».

– Зря ты себе слоек-то набрала, – говорит оставшаяся без карты стройная дамочка пышной дамочке. – Лопнешь ведь ненароком, корова.

А пышная отвечает не без достоинства:

– Рот закрой, не свети гнилушками.

Я пребывал в восхищении. Классика. Учебное пособие. Во-первых, очередь довольна. Очередь смеется и с удовольствием рассматривает обеих дамочек. Обсуждает, правда ли тучная может лопнуть и точно ли у стройной гнилые зубы.

Во-вторых, сами спорщицы трясутся от гнева. Пышная покраснелась и готова скончаться в апоплексическом ударе, а стройная позеленела и, того и гляди, пополам переломится. Каждая из них попала в точку. Ударил соперницу по больному месту. Взаимный нокаут. Такого даже в боксе не увидишь.

Напрасно мы возмущаемся российским хамством. Хамство – это наша национальная гордость. Наряду с балетом и еще чем-нибудь. Хотел придумать это «еще что-нибудь», да как-то так и не придумал. В общем, наряду с балетом.

Разве умеют ругаться какие-нибудь, скажем, французы? Вспомните «Трех мушкетеров». Как они там ругались?

«Вы, сударь, невежда».

«Ах так! Я к вашим услугам, сударь».

И давай друг в друга шпажонками тыкать.

Или англичане.

«Я имею удовольствие сказать вам, сэр, что вы негодяй, сэр», – говорит англичанин.

«Оу, шит, motherfucker», – отвечает негодяй.

И всё. И молчит. Запас ругательств исчерпан.

Говорят, неплохо ругаются итальянцы, но я не очень-то верю. Запустите этого итальянца в наш «Дикси», а я на него посмотрю. Да что там итальянца, запустите в наш купчинский «Дикси» хотя бы какую-нибудь старушонку из исторического центра города. Если она из ком-

муналки, может, и выдержит пару минут. Из коммуналок – они привычные. А если из отдельной квартиры, не сдюжит старушка. Прихватит ее инфаркт миокарда, и поминай как звали.

Нет, в «Дикси» я сегодня не пойду. Хватит с меня и «Пятерочки». Кстати, у «Пятерочки» скошили траву. У моего дома скошили, у «Пятерочки» – не к добру это. С некоторого времени к покосу трав в Купчино я отношусь подозрительно.

Года три назад меня как журналиста позвали на народный купчинский праздник, устроенный районной администрацией. Праздник назывался несколько странно – День газонокосильщика.

Прихожу по указанному адресу. Милый пустырек возле железной дороги. Трава по пояс. На траве пасется лошадь. Рядом с лошадью – мужчина с диктофоном.

Позже я узнал, что лошадь прискакала из Пушкина, а мужчина – из газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

Из динамиков почему-то раздается:

Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним...

Газонокосильщики слушают рассказ коллеги, как он набухался и изображал Артура Пирожкова из Comedy Club.

– Что здесь такое? – спрашивает женщина.

– Соревнование по косьбе, – отвечает другая женщина.

– А я думала, очередную стройку открывают, – говорит первая женщина и, успокоившись, уходит.

Пенсионеры ведут более серьезный разговор.

– А где Матвиенко?

– Она уже в Москве.

– Откосила свое, – злорадно замечает дедушка с усами.

Матвиенко тогда как раз переводили с наших губернаторов в Совет Федерации.

Наконец праздник начинается.

Глава администрации говорит коротенький спич и уверяет, что газонокосильщик – очень русская профессия.

Ему вручают косу, которую переодетая Петрушкой ведущая называет креативной. Глава отправляется косить. Показывать мастер-класс, как выражается ведущая.

Косит он плохо, на мастер-класс явно не тянет. И тут случается непредвиденное. Явный провокатор, а возможно, даже оппозиционер подбегает к главе и отнимает косу. Корпулентная жилищница оттаскивает несогласного.

Его дружок – тоже провокатор, тощий, бухой и либерально настроенный – разводит агитацию:

– Человек умеет, а ему не дают.

Народ безмолвствует.

Начинается конкурс профессионального мастерства. В дело вступают триммеристы. Первый, так сказать, вид программы. Петрушка рассказывает «забавные факты из области технических характеристик газонокосилок». К сожалению, рев этих самых газонокосилок заглушает Петрушку. Я слышу только характеристику триммериста, пришедшего на финиш последним:

– Дерьмо дали, а не триммер.

Мне жаль триммериста. Он походит на гонщика «Формулы-1», который растрчивает талант на убогих болидах Virgin Cosworth, вместо того чтобы срывать призы на «редбуллах». Или на лыжника, чьи тренеры не угадали со смазкой.

Впрочем, трактористам еще хуже. У одного трактора сгорели какие-то ремни, у второго тоже что-то сгорело, и только третий выкосил более-менее тщательно, хоть и медленнее других.

Ему в итоге и отдали первый приз. За качество. Которое, как известно, важнее скорости. Или неизвестно? Не берусь судить.

А бухой провокатор-либерал тем временем продолжал баламутить народ.

– Знаете, зачем все это придумали? – спрашивал он бабушек и сам же отвечал: – Хотят застроить эту площадку.

– Демократы теперь решают сами по себе, нас не спрашивают, – вздыхали распропагандированные бабушки.

Другой – вернее, третий – провокатор дорвался до микрофона:

– Я жил в тайге и знаю: что вдыхаешь – тем живешь. Трава должна расти. Ее нельзя косить.

– Есть и такое мнение, – сказала несколько сконфуженная Петрушка. – Спасибо, что вы не побоялись его высказать.

К счастью, лошадь из Пушкина в это время начала выделять па, и люди не обратили внимания на злопыхателя.

– Что за народ? – сокрушался я. – Лишь бы обгадить.

Но в этот момент я услышал, как корпулентная жилищница призналась:

– Это место реально расчищают под застройку.

Вот тебе, бабушка, и день газонокосильщика. Народ не проведешь. Он с самого начала подвох чувствовал.

В Купчино народ вообще очень чувствительный по части обоняния. Купчинские парфюмеры даже выпустили духи. «Воздух Купчино» называются.

Я эти духи не нюхал, но так возбудился, что сочинил стихотворение. Первое и последнее четверостишия взяты из стишка Джанни Родари «Чем пахнут ремесла». Представляю:

Чем пахнет Купчино

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

С хоккейной коробки
Несет анашой.
Дед на скамеечке
Пахнет паршой.

У детского сада –
Собачье говно.
Ранней весной
Пахнет оно.

Так проберет –
Аж до самой печенки.
Там львиная доля –
Мосей собачонки!

Торговец в палатке
Пахнет бахчой.
Сосед обоссался
И пахнет мочой.

Пахнет в бассейне
Удушливым хлором.
Педик пахнут
Кристианом Диором.

От проститутки
Пахнет загаром.
От работы –
Пивным перегаром.

Пахнет блевотой
Алкаш завалящий.
Пахнет чиновник
Купюрой хрустящей.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

Глава третья

Наш Колизей

Тем временем я дошел до места встречи. Вот он – угол Славы и Бухарестской. Конечно же, никого нет.

Удивительное дело. Когда я был маленьким, опаздывать было не принято. Максимум опаздывали в школу на утреннюю зарядку, которая начиналась без пятнадцати девять. То есть она, конечно, ни в какие без пятнадцати девять не начиналась, потому что ее никто никогда не проводил. Иногда на полдевятого назначалась политинформация, но ее тоже никто никогда не проводил. Потому что политинформатором в классе был я.

А когда я подросток, мы стали дежурить. Я любил дежурить у входа в школу. Без пятнадцати девять раздавался первый звонок, после чего мы отбирали у входивших малолеток дневники и писали замечания за опоздания.

Но я не писал замечания. В первый и последний раз в жизни я придумал выгодную коммерческую аферу. Я и позже придумывал выгодные аферы, но неизменно прогорал. А в школе – выгорело.

Малолетки имели право откупиться от замечания в дневник. По умеренному тарифу в 10 копеек. На 10 копеек можно было купить в буфете ватрушку с повидлом и три репки. Или две маленькие булочки безо всего и две репки. Или десять репок, но десять репок покупали только беспримесные олигофрены.

Опоздавшие охотно платили. Пока один из них – наверное, сознательный – не настучал на меня. К счастью, времена стояли перестроечные – хозрасчет, ускорение, самофинансирование, так что меня поругали, но без особых оргвыводов. По-моему, классная руководительница в глубине души даже гордилась, что ее ученик активно включился в перестройку и освоил новое мышление (с ударением на первом слоге).

После школы мы расходились по домам, чтобы пообедать. Договаривались:

– Встретимся у третьей парадной.

И встречались. И все приходили в одно и то же время. Плюс-минус десять минут. Никто не опаздывал. Хотя мы даже точного времени не назначали.

Пунктуальность сидела в крови. А потом, в лихие 90-е, люди стали покупать машины – и началось.

– В пробку попал, – объясняет человек, опоздавший на сорок минут.

– А ты на метро ездил.

– На метро долго, – говорит человек, опоздавший на сорок минут.

– А на машине ты сколько ехал?

– Не поверишь, два с половиной часа.

За два с половиной часа можно доехать общественным транспортом из одной точки города в другую, где бы эти точки ни находились. За два с половиной часа можно до Эстонии доехать.

Но полный беспредел начался в 2000-х, когда все обзавелись мобильными телефонами. Раньше человек все-таки стеснялся опаздывать больше, чем на полчаса. И если он знал, что до места встречи добираться час, он за тридцать минут и выходил из дома. Чтобы опоздать на положенные полчаса.

Теперь ты приходишь на «стрелку». Десять минут ждешь. Пятнадцать.

Человек звонит:

– Я выхожу.

– Куда ты выходишь? Тебе час добираться.

– Но я же тебя предупредил.

Как-то звонят мне на мобильник. Номер незнакомый. Голос – женский, но тоже незнакомый.

– Ты меня ждешь? – спрашивает милый женский голос.

– Нет, – честно отвечаю я.

– Почему ты меня не ждешь? – спрашивает женский голос, но уже не милый, а с явными признаками недовольства.

– А почему я должен тебя ждать?

– А почему не должен? Почему? – надывается голос. – Я же всего на двадцать минут опаздываю.

– Двадцать минут, – говорю, – это очень много.

– Ты сам все время опаздываешь.

– Когда я опаздывал?

– Вчера. Ты вчера опоздал.

– Вчера я вообще не выходил из дома.

– А ты кто?

– Глеб.

– Извините, я ошиблась номером.

Раньше люди, ходя на свидания, узнавали свой город. Знакомились с достопримечательностями.

– Где встретимся?

– У Медного всадника.

Или:

– На улице Ломоносова. У пивного ларька.

А сейчас? Сейчас встречаются «где-нибудь в районе Гостинки». А потом час перезваниваются и орут, пугая прохожих:

– Ты где?

– А ты где?

– Я здесь.

– И я здесь.

– Где здесь?

– Где договаривались.

– Мы там не договаривались.

– Идиот.

– Дура.

– Я тебя вижу.

– Где ты меня видишь?

– Я машу тебе рукой.

– Где?

– Повернись налево.

– Повернулся.

– Видишь меня?

– Нет.

– Потому что ты налево повернулся, а надо направо.

– Ты же сама сказала – налево.

– А своей головы у тебя нет?

– Я тебя вижу.

– А я тебя больше не вижу.

– Стой прямо.

– Ой, я тебя снова вижу. Чмоки, чмоки.

Ту-ту, ту-ту-ту. Ту-ту, ту-ту-ту. Мобильник звонит. Телевизионщики. Говорят, что слегка опаздывают.

Рассказ про баб и живых мертвецов

Я, когда работал на телевидении, никогда не опаздывал. Правда, я недолго работал. Месяц. Работал я репортером на канале «СТС-Петербург». В программе «Детали». Снимал новостные сюжетцы.

– У вас есть журналистское образование? – спросил меня начальник.

– Нет.

– Слава богу, – сказал начальник и предложил должность в штате.

Я отказался. Работал сдельно.

Начальство меня ценило и посылало на самые ответственные мероприятия.

– Прекрасный сюжет, – говорило начальство. – Сплыв на бабах по Вуоксе. Можно со своей бабой приехать, а можно взять напрокат.

– Напрокат, боюсь, не потяну.

– Ерунда. Всего двести рублей.

– Чего-то, – говорю, – дешево. На Староневском – и то дороже.

– Для резиновой бабы – вполне нормально.

– Для какой?

– Для резиновой. Они на резиновых бабах сплавляются.

– Зачем?

– Об этом ты у них и спросишь. Кстати, ты тоже обязательно сплавься.

Я соврал, что не умею плавать.

– Тогда возьми бабу в руки и скажешь что-нибудь на камеру. Начни так: «Все мы хорошо знаем резиновых женщин».

– С чего это мы их хорошо знаем? Я, например, их плохо знаю. Я, например, их не познавал.

– Да? Ну тогда скажи: «Вот на таких резиновых женщинах энтузиасты своего дела плавают в бурных волнах реки Вуоксы».

Фраза мне решительно не понравилась. Но приказы не обсуждают.

Приехали. Народ по свистку берет в охапку баб и бросается в реку. Победители заплыва выходят в следующий раунд.

А плыть по Вуоксе тяжело. Речка с норомом. Как говорится, то перевалы, то перекаты. И бабы, надо сказать, плыть сильно мешают. А бросить ее нельзя – снимут с дистанции. Как в жизни. И хочется ее бросить, а нельзя. Квартиру отсудит или тесть с работы выгонит.

Стали искать бабу для съемок. Бабы оказались в дефиците. То есть обычные бабы сами просились, чтобы их сняли для телевизора, а резиновые – в дефиците.

Оператор принес негритянку. Коричневую и с огромными губами. Я брезгливо от нее отказался:

– Не хочу с негритянкой.

– С ума сошел?! – кричит оператор. – Я же не предлагаю тебе с ней...

– Понимаешь, – говорю, – я не расист, но с негритянкой не хочу.

– Может, тебе Анджелину Джоли поискать?

– Я бы тоже с негритянкой не хотел, – встрял водитель, вышедший погулять по свежему воздуху и, как он выразился, на идиотов посмотреть.

Оператор послал нас с водителем в грубой форме.

К счастью, кто-то одолжил нам европеоидную женщину.

– Вот на таких резиновых женщинах... – начал я речь.

– Подожди, – закричал оператор, – я камеру не настроил.

– Вот на таких резиновых женщинах...

– Что ты мямлишь? – продолжал кричать оператор. – Четче говори, с выражением.

Я, признаться, эту фразу и говорил с выражением. С выражением скорби. Потому что мне первый раз предстояло попасть в кадр, и я предпочел бы попасть в него в каком-нибудь другом антураже. По крайней мере, без резиновой женщины на руках. С резиновой как-то стремно. Пацанва не поймет.

Но я послушно забормотал в третий раз:

– Вот на таких резиновых женщинах энтузиасты своего дела...

– ...проводят дни и ночи напролет, – встрял водитель.

Пока все смеялись, европеоидную женщину у нас отняли. И в кадр я так и не попал.

Через неделю начальник говорит:

– Гляди-ка, опять прекрасный сюжет. Люди добровольно закапываются в могилы.

– Тоже, – говорю, – энтузиасты своего дела.

– Вообще-то их потом откапывают.

– Когда, – спрашиваю, – потом?

– Лет через сто, – говорит начальник и, увидев, что никто не засмеялся, поясняет: – Шучу.

И велит мне поехать и закопаться в могилу.

– Откапываться необязательно, – сострил оператор.

Желающих закопать себя в могилу набралось человек семь. И человек десять представителей СМИ.

Журналисты местные, а будущие мертвяки – из разных мест. Одна семейная пара чуть ли не из Якутии прилетела.

– Мы, – говорят, – прошлым летом закапывались. Очень благотворно влияет на психику.

– А у вас в Якутии нельзя закопаться? Обязательно к нам ехать?

– У них холодно, – пояснил водитель, которому снова приспичило погулять и посмотреть на идиотов.

Семейная пара посмотрела на нас с нескрываемым презрением.

Когда выяснилось, что мертвяки еще и платят деньги за то, чтобы зарыть себя в могилу, водитель смачно плюнул и ушел в машину.

– Давай закапывайся, – говорит мне оператор.

– Я не могу закапываться. Я с похмелья.

– И что?

– Меня мутит. Могу блевануть.

– Блевани, – говорит оператор. – В чем проблема? В могилке блеванешь – никто и не заметит.

– В могилке, – говорю, – люди на спине лежат. А на спине блевать неудобно и опасно для жизни. Можно захлебнуться. Многие, – говорю, – замечательные люди именно так заканчивали свою жизнь.

– Кто же? – заинтересовался оператор.

– Говорят, что Олег Даль.

– Надо похмелиться, – признает оператор.

А похмелиться нечем. Место глухое. Его руководитель погребения долго отыскивал. Смотрел, чтобы аура была подходящая.

Ауру он, может, нашел и подходящую, только вот почва малость подкачала. Или лопаты были не той системы. В общем, копают покойники себе могилы, а выкопать не могут.

Оператор злится, суетится, кричит:

– Давайте, уроды, быстрее по могилам рассаживайтесь. Скоро стемнеет, как я снимать буду?

– Темнота, – говорит руководитель погребения, – усугубляет психологический эффект.
– Чего ж ты, – кричит оператор, – не предупредил, чтобы я освещение захватил?
Стемнело.

– Поехали домой, – говорит водитель.

– Нет уж, – отвечает оператор. – Дождемся, чем этот цирк закончится.

Народ, одевшись потеплее, разлегся по могилам. Лежат в яме, над ними палки положены, а на палках – ельник.

Руководитель погребения засыпал могилы песком. Только трубы торчат, чтобы покойники без кислороду и впрямь не окочурились.

Руководитель погребения застучал в бубен и завыл. Жуткое, скажу вам, зрелище.

– И сколько, – спрашиваю, – они будут в могилах лежать?

– Час, – говорит руководитель и снова бьет в бубен.

Мы уже уезжать собрались, как из могилы послышался голос. Если точнее, то не из могилы, а из трубы. И голос, соответственно, загробный.

Был с нами старичок из какой-то газетенки. Шустрый такой старикашка. Все выспрашивал, что да как, и раньше всех себе могилку выкопал. Не терпелось, видимо, старичку.

А как в могилку слег, так и передумал.

– Выкапывайте, – кричит, – меня к чертовой матери.

– Я не могу вас раньше положенного времени выкопать, – возражает руководитель. – Это нарушит психологический эффект.

– Выкапывай, сукин сын, – кричит старичок. – Сейчас сдохну к чертовой матери.

– Зря он перед смертью черта поминает, – говорит оператор.

А старичок орет и орет. Сдохну, мол, сдохну.

А может, и вправду сдохнет. Пока он в трубу орет, кислород-то в могилку не поступает.

– Не смейте его выкапывать, – кричат из других могил. – Он нам весь эффект испортит.

А мы, между прочим, деньги заплатили.

– В принципе, они правы, – согласился оператор.

– А как же, – говорю, – ценность человеческой жизни?

– Отжил свое старик, – вздохнул оператор.

Руководитель еще немного посомневался и откопал старикашку. Тут мы и уехали. Водителю с оператором еще в ночной клуб поспеть нужно было, презентацию снимать.

А я вскоре уволился. Денег, сволочи, мало платили.

* * *

– Привет, – услышал я за спиной.

Я и не заметил, как телевизионщики подошли.

Корреспондент знакомый. Зовут Жора. Раньше работал парламентским обозревателем, рассказывал про Законодательное собрание. С тех пор погрузнел и погрузнел. Тучный, одышливый, на лице выражение то ли недовольное, то ли брезгливое. А скорее – скучающее.

Оператор – суровый юноша со штативом и жвачкой, залепленной за ухо. И стажерка Аня. Миниатюрная блондиночка. Ротик приоткрыт, носик слегка вздернутый, а глазки смотрят на мир удивленно, но с примесью восхищения. Я так ее себе и представлял.

Корреспондент вкратце обрисовал ситуацию. Они снимают сюжет про Купчино. Разные известные люди рассказывают про этот загадочный уголок нашего прекрасного города.

Знаменитого музыканта Билли Новика, автора хита «Купчино – столица мира», они, к сожалению, не выцепили.

Я знал Билли, когда он еще был Вадимом. Его отец вместе с моим отцом в техникуме учился. И как-то Вадим с мамой приходили к нам на какой-то праздник. Он тогда мечтал стать

врачом, а я уверял, что буду продавцом в пивном ларьке. Оба мы занимаемся не тем, о чем мечтали в детстве.

Отсутствие Новика телевизионщики компенсировали тем, что отсняли одного знаменитого писателя и одного знаменитого переводчика. Компания меня порадовала. Да и вообще приятно, когда тебя зачисляют в известные люди.

– С чего начнем? – деловито осведомился оператор.

– Вы обещали показать нам Купчинский Колизей, – напомнила Аня.

– Обещал. Только сам я его никогда не видел.

– Будем искать, – сказал оператор.

Стали искать Колизей.

Сперва натолкнулись на монумент воинам, погибшим в Афганистане. Затем на памятник «Спецназу России».

– У вас здесь мемориальное кладбище, что ли? – недовольно спросил корреспондент Жора.

Я немедленно поставил невежду на место:

– Вообще-то мы находимся в Парке интернационалистов.

Жора презрительно осмотрел оба монумента и вынес вердикт:

– Уродство.

Оператор гнусно хихикнул:

– А ты думал, в этой дыре Монферран стоит? Или Роден?

– Попросил бы, – сказал я, – Купчино не оскорблять. Нынче все памятники убогие. И вообще я не могу находиться в атмосфере травли.

– А мне памятники нравятся, – заявила Аня и слегка покраснела. – Они очень даже импрессионистичные.

– Скорее, экспрессионистичные. Даже чересчур.

– Вам виднее, – грустно согласилась Аня. Дескать, куда нам, простым стажерам. Вы приглашенная звезда, вам виднее.

– И где обещанный Колизей? – спросил оператор.

– Он вроде на холме должен быть.

– Здесь всюду холмы, – заметила Аня.

Действительно, куда ни посмотри, всюду холмы.

– Родное наше Купчино, – сказал я, – производя обширную торговлю квасом, печенкой и вареными яйцами, имеет речку Волковку и, в согласие древнему Риму, на семи холмах построено.

– Чем у вас торгуют? – спросила Аня, строча в блокноте.

– Это не надо записывать, это из Салтыкова-Щедрина.

– Выпендриваться обязательно? – спросила Аня и снова покраснела.

Она права. Зачем я выпендриваюсь? У меня сегодня другой имидж.

– Может, Колизей на другой стороне? – предположил оператор. – Может, надо через дорогу перейти?

– Вряд ли, – сказал я. На другой стороне красовались вывески «Грузинская кухня», «Хачапурный домик», «Стриптиз-бар» и «Двери Гардиан-Волховец».

– Наверное, Колизей вон там, – сказал корреспондент Жора, показывая рукой в неопределенном направлении. – Там, где краны стоят.

– Там метро строят, а не Колизей, – с видом знатока пояснил я.

– Зачем этим уродам метро? – задал оператор риторический вопрос, но, уловив мой недовольный взгляд, замолчал.

Мы бродили по округе. Натолкнулись на туалет и трамвайное депо. Уставшие, но недовольные остановились у самого маленького холмика с пологим верхом.

Эврика! Это и есть знаменитый Купчинский Колизей. Он же «Купчино-арена». Монументальное сооружение, которое пару лет назад с неподдельным пафосом презентовали наши районные власти. Которое нанесено на карту новых достопримечательностей сайта ilovekupchino.ru. Восьмое чудо света. Прекрасное, как висячие сады Семирамиды. Гордое, как Александрийский маяк. Вечное, как пирамида Хеопса.

На холмик вели ступеньки. По бокам от ступенек – несколько каменных параллелепипедов, которые при желании могли сойти за посадочные места. Проблема в том, что сидеть на этих местах можно было только спиной к арене.

Впрочем, ничего интересного на арене, то есть на плоской вершине холма, не наблюдалось. Мальчик с девочкой сосали пиво из пластиковой бутылки и жарили сосиски на палочках.

«"Купчино-арена" построена при поддержке депутата Анатолия Костерева», – гласила лежавшая на земле мемориальная доска.

– Колизей, оказывается, уже построен, – съязвил оператор.

Я сказал, что у нас долгостроя не терпят.

– Похоже, скорее, на развалины Колизея, – заметил корреспондент Жора. – За основу купчинскими архитекторами явно взят римский Колизей периода, когда в Риме побывали вандалы.

– Да, – признал я. – Римский Колизей сначала был построен, а потом превратился в развалины. У нас решили не заморачиваться – сразу воздвигли развалины. Для пушнего сходства с Римом.

– Надо пожаловаться депутату Костереву, – сказала Аня.

– Его не переизбрали.

– Нехило, наверное, поднялся депутат Костерев на этом Колизее, – заметил Жора. – Признаться, я это чудо несколько по-другому себе представлял.

Жора, конечно, имел в виду Колизей, а не депутата Костерева, которого никто из нас никак себе не представлял. Даже Жора, хоть он и работал когда-то парламентским корреспондентом.

Аня, покраснев, достала из кармана бумажку.

– Вот, – сказала Аня. – Пресс-релиз. В интернете нашла.

«Ничего подобно нет ни в одном городе России, – говорилось в пресс-релизе. – Уличный амфитеатр выполнен из натурального камня с использованием рулонного газона и рассчитан на 150 посадочных мест».

– Ссылаются на главу администрации, – пояснила Аня.

Жора продолжал ругаться. Его возмущало, что везде нагло использован совершенный вид – построен, выполнен.

Меня же пресс-релиз, наоборот, обрадовал:

– Видите, я ни в чем не виноват. Я привык верить пресс-релизам.

Хотя, честно говоря, мне Купчинский Колизей тоже представлялся по-другому.

Выхожу я утром из тепидариума в аподитриум, набрасываю легкую тогу от Paul Smith и отправляюсь в Колизей. Лежу в носилках, смотрю через смарагд на окрестности Бухарестской Аппиевой дороги.

Представление уже началось, и тут в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалеристской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями «Купчино-арены» выхожу я. Здравствуй, бля.

(Мне положен плащ с кровавым подбоем, потому что я вхожу в список популярных блогеров на информационном портале Фрунзенского района и даже награждался статуэткой как лучший блогер Купчино.)

На мозаичном полу у фонтана уже приготовлено кресло (не на натуральном же камне сидеть и не на рулонном газоне), и я, не глядя ни на кого, сажусь в него и протягиваю руку в сторону.

Тогда глава района Гай Терентиус Мещеряков в тоге с пурпурной каймой объявляет начало гладиаторских боев.

Сегодня львам и тиграм противостоят гладиаторы из одной дружественной среднеазиатской республики.

«Ave Terentius! – кричат гладиаторы. – Morituri te salutant!»

Мы с Терентиусом морщимся от их вульгарной латыни и варварского акцента. И после боя, не сговариваясь, указываем большим пальцем вниз. Гладиаторов добивают.

Рядом с Колизеем, в том же парке Интернационалистов, стоит православная церковь, поэтому мы не знаем, можно ли выпускать на арену христиан. Голодные звери рычат, народ ропщет. Зверям скормливают жителей района, проживающих без регистрации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.